

17. Там же. С. 3–4.
18. О летних занятиях кавалерии // Русский инвалид. 1883. № 118. С. 3.
19. О летних занятиях кавалерии // Русский инвалид. 1883. № 123. С. 3.
20. Там же.
21. О летних занятиях кавалерии // Русский инвалид. 1883. № 125. С. 3.
22. Сухотин Н. О деятельности конницы во время американской войны // Русский инвалид. 1883. № 136. С. 3–4.
23. Сухотин Н. О деятельности конницы во время американской войны // Русский инвалид. 1883. № 135. С. 3.
24. Там же. С. 4.
25. Там же.
26. Перетяцько А.Ю. Эффективность действий донских и кубанских казаков в русско-японскую войну 1904–1905 гг.: дискуссионные аспекты // Научная мысль Кавказа. 2014. № 2. С. 69–75.
27. Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. С. 499.
28. История кубанского казачества. Краснодар, 2013. С. 185–186.
29. Перетяцько А.Ю. Указ. соч.
30. Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2002. С. 62–64.

У.Б. Очиров

КАЛМЫЦКАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ ДИВИЗИЯ РККА В 1919 г.

В военной истории Гражданской войны в России, несмотря на огромный объем источников и значительное количество научных разработок, всё еще остается немало белых пятен и нерешенных проблем, например, в области истории военных формирований. Тема данной статьи связана с первыми кавалерийскими дивизиями РККА и позволяет лучше понять взгляды и планы советского военного командования по формированию и применению стратегической конницы в начале второго года Гражданской войны.

В истории советской кавалерии 1918–1920 гг. конные армии С.М. Будённого, О.И. Городовикова, Ф.К. Миронова, корпуса Б.М. Думенко, Д.П. Жлобы, Г.Д. Гая, Н.Д. Каширина, своими блистательными рейдами ознаменовавшие новый этап в военной теории, затмили более «мелкие» отдельные кавдивизии РККА. Однако последние также внесли

вклад в победу над противником и играли заметную роль на своих участках. В статье мы подробно рассмотрим замысел и процесс формирования одной из них.

18 июня 1918 г. Управление по организации армии Всероссийского главного штаба (Всероглавштаба) (2-е делопроизводство 2-го отдела) предложило «спешно» начать формирование стратегической конницы РККА в виде трех отдельных кавдивизий по новым штатам: в Московском и Орловском военных округах и Тургайской области. Они должны были состоять из управления (включая штаб, политотдел, зав. снабжением, врачей и др.) и 3 кавалерийских бригад «с придачей последним всех необходимых средств огневого боя и технических», дабы любую из них можно выделить для самостоятельных действий. В бригаду входили 2 кавалерийских полка, состоявшие из 4 эскадронов (всего 24 эскадрона, каждый из которых получал 4 «ружья-пулемета») и конно-пулеметной команды (4 «максима»). Также в дивизию входил конно-артиллерийский дивизион, состоявший из трех конных батарей (по 4 – 76-мм скорострельных орудия), которые можно было придавать бригадам на усиление, и одной конно-мортирной батареи (4 – 45-линейные английские гаубицы), являющейся резервом начдива. Кроме того, в соединение включались технический эскадрон (телеграфно-телефонное, радиотелеграфное, мотоциклетное, подрывное отделения) и авиаотряд (6 самолетов) для разведки и охранения. Также предлагалось придать кавдивизии роту самокатчиков (258 «самокатов» с 2 «максимами»). Впрочем, учитывая сложности с наличием самолетов и «самокатов», формирование специальных частей разрешалось осуществлять во вторую очередь.

Для облегчения управления в конном строю количество эскадронов в полках по сравнению с императорской армией было сокращено до четырех, количество рядов во взводах увеличено с 16 до 20. Строевой состав был освобожден от «хозяйственных надобностей», все хозяйственные должности замещались нестроевыми. Кавалеристы вооружались револьверами и винтовками драгунского образца. Шашки рекомендовалось приторачивать к седлам, чтобы не мешали при спешивании. От пик «военспецы» Всероглавштаба окончательно отказаться не смогли, ссылаясь на некий опыт «истекшей кампании... но лишь по расчету рядовых первой шеренги, так как вооружение ими второй шеренги... явилось лишь обременением частей и людей». Всего по этому штату в кавдивизии числилось 7653 чел., в том числе 286 чел. – командного и административно-хозяйственного состава, кроме того, 8469 лошадей, из них 6954 верховых, 542 упряжных, 973 обозных [1].

Таким образом, по штату соединение имело всего 16 орудий и 24 станковых пулемета (без учета «самокатной роты» и ручных пулеметов), рассеянных в общей массе. Очевидно, что «военспецы», допускавшие применение стратегической конницы побригадно с приданием им 4-пушечных батарей, неправильно оценивали значение массирования кавалерии, конной артиллерии и пулеметов. Проект с привлечением авиации, «самокатов», мотоциклов и радиотелеграфа выглядел весьма инновационно, но был абсолютно схоластичным, совершенно не учитывающим проблем их технического обслуживания и снабжения. Характерно, что к концу войны, когда штаты соединений были уточнены на основе реального опыта, кавалерийская дивизия РККА, согласно приказу РВСР от 27 февраля 1921 г., помимо кавалерийских полков должна была иметь конно-пулеметный полк (60 «максимов» на тачанках), автобронеотряд, а вместо технического эскадрона – отдельный эскадрон связи и отдельный саперный эскадрон (с двумя взводами подрывными и двумя дорожно-мостовыми взводами), при этом авиаотряд, «самокаты» и мотоциклы в штате отсутствовали [2].

Московская и Орловская кавдивизии должны были формироваться военкоматами из ветеранов Первой мировой войны. Тургайскую конную дивизию, «согласно ходатайству чрезвычайного комиссара Степного края», Высший военный совет разрешил формировать из добровольцев-«киргизов» (казахов), «выразивших полную готовность образоваться из своей среды отряды социалистической армии». Казахи-кочевники не несли воинской повинности в царской армии, не имели боевого опыта, требовали больше времени для обучения, но являлись прирожденными наездниками, и военное руководство предполагало сэкономить за счет этого часть учебного времени, хотя и не было в этом уверено до конца. «Не предвещая вопроса об успешности этого формирования, Всеросглавштаб считает необходимым отметить, что... таковая явится фактически туземною» [3]. Только командный состав и специальные подразделения Тургайской дивизии планировалось комплектовать из русских. 10 июля 1918 г. Военно-законодательный совет при коллегии Наркомата по военным делам утвердил это предложение и прилагаемые штаты, но проект по формированию первых трех кавдивизий оказался не очень удачным.

Московская кавдивизия начала формироваться по приказу Высшего военного совета № 54 от 19 июня 1918 г., но на фронт прибыла лишь через год в составе трех полков (1-й Московский полк убыл еще в марте и был включен в дивизию Червонного казачества). Это соединение (с 17 марта 1920 г. – 1-я кавдивизия) в боях под Уральском, Царицыном,

в Азербайджане (большей частью с местными бандами) ничем особым не отличилось и в конце 1920 г. было свернуто в 35-ю бригаду 12-й кавдивизии [4].

2-я кавдивизия формировалась по приказам военкомата Орловского округа № 137 от 30 июля 1918 г. и № 579 от 22 ноября 1918 г., но так и не завершила его. Часть военнослужащих перешла к белым. 1 августа 1919 г. оставшиеся кадры 2-й кавдивизии были влиты в 1-ю Донскую казачью кавдивизию Особого корпуса. Ее номер 17 ноября был передан кавдивизии М.Ф. Блинова – будущей 1-й гвардейской Ставропольской кавдивизии.

3-я конная дивизия даже не начала формирование, поскольку Тургайская степь оказалась под контролем оренбургских белоказаков и казахов Алаш-орды. В апреле 1919 г. этот номер передали кавдивизии Туркестанской армии, сформированной по приказу № 313 от 5 марта 1919 г. из 4 полков: 1-го Оренбургского, 1-го Симбирского, 1-го и 4-го Советских трудового казачества [5]. Позже на ее основе были сформированы 20-я и 21-я горнокавалерийские дивизии – будущие 17-я и 14-я гвардейские Мозырские кавдивизии.

В результате этого первые кавалерийские дивизии РККА появились не в тылу, а на фронтах Юга России, где наличие степных пространств обусловило широкое применение стратегической конницы, причем первыми ее создали белые. Это было вынужденной мерой, поскольку в 1918 г. большую часть белых армий Юга России составляли казаки, с «младых ногтей» привыкшие к службе в коннице, почти поголовно прошедшие военное обучение и имеющие боевой опыт. Неудивительно, что первый конный корпус (из 12 конных полков) появился в Добровольческой армии в ноябре 1918 г. Однако он был отягощен 5 пластунскими батальонами, по количеству сабель почти в полтора раза уступал штатной кавдивизии РККА, а по количеству орудий (20) и пулеметов (85) лишь ненамного превосходил штат образца 1921 г. [6]. В дальнейшем белые также формировали конные корпуса, отягощая их пехотой, и лишь летом 1919 г. у них появились «чистые» конные корпуса. До конной армии их военная мысль так и не доросла.

Для противодействия конным массам Краснова и Деникина красным пришлось создавать на местах свои кавалерийские соединения, которые гордо именовались бригадами, дивизиями, корпусами, но совершенно не соответствовали штатам кавдивизии РККА. Например, в конце декабря 1918 г. в составе 11-й армии числились 1-я Ставропольская кавдивизия (более 1,8 тыс. сабель), кавкорпус Г.А. Кочергина (более 2,5 тыс. сабель), 1-я Кубанско-Терская кавбригада (более 3,5 тыс. сабель)

и кавбригада И.А. Кочубея (более 3,5 тыс. сабель) [7], то есть дивизия и корпус были в 3–5 раз меньше штатной численности кавдивизии, а бригады – вдвое больше штатной численности кавбригады. Руководство РККА неуклонно проводило линию на унификацию стихийно сложившихся фронтовых соединений и на их соответствие единым штатам. Например, корпус Кочергина уже через месяц после создания планировали, усилив Кубанско-Терской кавбригадой, свернуть в кавдивизию. Кочергин выступал против «понижения» в статусе, но вскоре их споры прервал прорыв конного корпуса П.Н. Врангеля, приведший к разгрому всей 11-й армии.

С весны 1919 г. соединения 10-й и 11-й армий стали включать в единую нумерацию дивизий РККА. 14 марта Особая кавдивизия (сформирована 28 ноября как 1-я сводная) 10-й армии получила № 4, 26 марта 1-я Ставропольская кавдивизия 10-й армии (сформирована в октябре в составе 11-й армии) – № 6, 3 апреля Особая кавдивизия (сформирована зимой 1919 г.) 11-й армии – № 7. № 5 был присвоен лишь 25 августа 1919 г. кавдивизии, формирующейся с 11 августа в Самаре и вступившей в бой в январе 1920 г. На наш взгляд, первоначально этот номер предназначался Калмыцкой кавдивизии, начавшей формирование 20 марта 1919 г. [8].

Калмыки Астраханской губернии не служили в императорской армии с 1814 г. и не имели дома оружия. Астраханские губернский и уездные Советы с недоверием относились к калмыкам, поскольку незадолго до Астраханского казачьего мятежа в январе 1918 г. они были «скопом» зачислены в Астраханское войско, а 240 калмыков с 85 винтовками и «дробовиками» приняли участие в самом мятеже [9]. Поэтому Калмыцкая степь считалась «гнездом контрреволюции» [10], а представитель НКВД А.Н. Соколов на одном из съездов прямо заявил калмыкам: «Калмыцкая степь к октябрьской революции приложилась одним боком, почему и к созданию отрядов на местах необходимо отнестись с осторожностью» [11]. Поэтому до августа 1918 г., когда начались мобилизации «трудящихся калмыков», калмыцких отрядов в степи не было.

Мобилизации проходили по-разному. Например, Арнольд Большой, посланный черноморским уездным военкомом в Икицохуровский улус, начал тотальную мобилизацию мужчин от 18 до 50 лет без проведения медосмотра, при этом стариков брал в заложники, а на аймаки накладывал колоссальные контрибуции в 10 тыс. рублей. Телеграмму из Царицына от РВС о прекращении «мобилизации» он проигнорировал [12]. Неудивительно, что калмыки, мобилизованные таким образом, бежали при первой возможности.

РВС 10-й армии догадался включить в состав призывной группы калмыка-казака Василия Хомутникова, выдвинувшего идею создания калмыцкого конного полка. Он выступал весьма убедительно и уже к 5 августа в Малодербетовском и Манычском улусах набрал более 800 добровольцев с лошадьми, а затем в Элистинском уезде – еще 350 [13]. Однако новобранцы сначала две недели бездельничали в Сарепте, не подвергаясь идеологической обработке и военному обучению. Затем комиссар П.Е. Щаденко отобрал у них лошадей, сведя спешенных степняков в 1-й запасной Царицынский кавполк, что негативно отразилось на имидже советской власти в степи. Начальник Калмыцкого подотдела политотдела 10-й армии Харти Кануков позже писал об этом: «Калмыцкий полк, как он назывался первоначально в Сарепте, все без исключения добровольцы, шел с большой охотой и хорошим настроением в Красную армию. Бедняки, батраки, взявшие лошадей у богатых, середняков, а некоторые, выехавшие на своей единственной лошади, после отбирания лошадей недоумевали» [14]. В ноябре половину калмыков 1-го Царицынского кавполка направили в пехоту. 6 ноября Л.Д. Троцкий приказал РВС 10-й армии направить оставшихся калмыков в Астрахань [15], где вскоре началось формирование Калмыцкой кавдивизии.

Исходя из этого Калмыцкий исполком потребовал право мобилизации калмыков передать ему. 23 сентября 1918 г. прошел 2-й съезд Советов калмыцкого народа, на основе решений которого были созданы 9 улусных (уездных) военкоматов и Центральный Калмыцкий военкомат (далее – ЦКВК). 28 октября РВС республики утвердил его и приказал производить призыв «трудящихся калмыцкой национальности» только через него. В ходе мобилизации калмыков 1894–1895 гг. рождения к началу декабря 1918 г. было собрано 1020 человек, что позволило сформировать 1-й Образцовый революционный Калмыцкий конный полк [16]. Однако почти сразу его стали «косить» тиф и эпизоотии. На 2 января 1919 г. в полку, начавшем обучение, насчитывалось уже 958 человек и 694 лошади [17].

19 декабря 1918 г. начался 3-й съезд Советов калмыцкого народа, на котором обсуждался вопрос о формировании 2-го и 3-го Калмыцких полков, однако мобилизация еще 6 возрастов оказалась сорвана борьбой между КалмЦИК и Астраханью, закончившейся «понижением» ЦКВК в уездный военкомат. Лишь в марте 1919 г. ЦКВК восстановили, и он смог начать мобилизацию еще 4 тыс. калмыков, распределенных по 4 образцовым калмыцким полкам отдельной Калмыцкой кавбригады (ком. – Ф. Степанов) при Каспийско-Кавказском краевом комиссариате по военным делам.

Председателю РВС 11-й армии К.А. Мехоношину сообщили, что «хотя по общим правилам не допускается формирование национальных частей, но для калмыков должно быть сделано исключение: они впервые призываются на военную службу и имеется особое указание тов. Л. Троцкого. Особенности уклада и религии (буддизм) будут постепенно приспособляться к требованиям службы» [18]. 20 марта 1919 г. приказом № 1 11-й отдельной армии Калмыцкую кавбригаду переименовали в Отдельную Калмыцкую кавдивизию «временно четырехполкового состава». Начдивом стал Ф. Степанов, начальником штаба – Ю. Юров (затем Б. Лихаревский, с 9 апреля – С. Шевелев), командиром 1-й бригады – Ф.С. Хатагов (с 1 апреля), 1-го полка – Рубин, 2-го – Байгулов (с 9 апреля), 3-го – А. Симовский (с 22 апреля), технического эскадрона – Чернов (с 14 мая – Горячих). Комиссара в дивизии не было более месяца, лишь 22 апреля эту должность временно занял Ганин, делегированный райкомом ВКП(б) из с. Болхуны (куда 14 апреля перевели соединение), затем назначили Кузнецова [19]. Управление 2-й бригады, 4-й полк, конно-артиллерийский дивизион, пулеметные команды не формировались. Большинство командиров были бывшими офицерами-кавалеристами, в том числе двое – ротмистрами.

Подбор командно-политического состава дивизии следует признать неудачным. Несмотря на наличие опытных командиров и политработников из числа калмыков (ком. 4-й кавдивизии Ока Городовиков, пом. нач. политотдела 10-й армии Харти Кануков, пом. ком. полка Василий Хомутников, пом. нач. штаба 37-й стрелковой дивизии Кирсан Илюмжинов и др.), в соединение назначили людей, плохо знающих калмыцкий язык и обычаи. Калмыков в командном составе было немного: комиссар 1-го полка Шургучи Манджиев, командир эскадрона Дорджи Акимов, командиры взводов Лазарь Нюдюльчиев, Шовучи Манджиев, Хара-Манджи Горяев [20]. Языковой барьер и разница менталитетов препятствовали налаживанию боевой спайки и заметно тормозили обучение и идеологическую работу.

Кроме того, Калмыцкая дивизия плохо снабжалась и вооружалась. Не было пушек, пулеметов, шашек. Винтовки имелись 4 разных систем и в недостаточном количестве. Например, 1-й полк, укомплектованный лучше других, на 24 апреля 1919 г. имел 343 русские, 100 австрийских, 8 японских винтовок и 98 винчестеров, «являющихся малопригодными для вооружения дивизии и изучению таковых калмыками», 100 пик и ни одного револьвера [21]. Из-за недостатка кормов многие лошади пали, на закупку новых денег не давали, и обучать конников пришлось в пешем строю. Не хватало обуви, обмундирования, продовольствия, меди-

каментов. Эпидемии, косившие личный состав, заставили начдива 4 мая отдать приказ: «Ввиду различных заболеваний (тифом, оспой и т. п.) рукопожатия отменяются для всех без исключений и приветствия ограничиваются только поклонами» [22]. Из-за огромного количества умерших и больных пришлось объявить мобилизацию еще 3,5 тыс. калмыков. Впрочем, Степанов считал формирование дивизии успешным и 26 мая утверждал, что при получении недостающего вооружения, людей и лошадей закончит обучение до середины июля за счет отказа от парадных эволюций и обучения владения конем [23].

Однако из-за распространения слухов о повальных грабежах и насилиях красноармейцев в улусах, отсутствия понимания между командным и рядовым составом, плохих бытовых условий, слабой идеологической работы среди калмыков началось дезертирство. 2 июня 1919 г. РВС 11-й армии издал приказ № 390: «Ввиду особых стратегических соображений формирование Отдельной Калмыцкой кавдивизии приостанавливается. Имеющиеся кадры трех полков сводятся в 1-й Калмыцкий пеший батальон... с добавлением команды конных разведчиков» [24]. Через 3 дня К.А. Мехоношин опомнился и отменил его, но было поздно: группа инструкторов, сведенная в «русский эскадрон», большая часть командного состава, имущества и вооружения уже убыли. Несколько групп калмыков, призванных для пополнения дивизии, были распущены.

Оставшийся личный состав, сведенный в полк, отправили из Болхунов в Терновку Саратовской губернии, в распоряжение РВС 10-й армии, который возобновил формирование калмыцких частей под руководством Х.Б. Канукова. Командиром 1-го Калмыцкого полка стал В.А. Хомутников. Была набрана группа командиров из калмыков или славян, знающих калмыцкий язык: Р. Балханаков, М. Шапшуков, П. Кущев, Е. Басанов, Т. Шивидов, Н. Павлов, А. Дрючков, К. Сафонов и др., что позволило вести обучение на калмыцком языке. КалмЦИК прислал группу калмыков-политработников, наладивших идеологическую работу, уроки грамоты и выпуск газеты. Медчасть возглавил врач-калмык – У. Душан. Улучшилось снабжение и вооружение калмыцких частей [25]. Всё это быстро дало результат, и 19 сентября 1919 г. 1-й Калмыцкий кавполк В.А. Хомутникова выступил на фронт, где был включен в состав Сводно-конного корпуса [26].

Учитывая этот опыт, 13 октября 1919 г. РВС Республики решил сформировать еще два калмыцких полка в составе кавбригады Х.Б. Канукова. 23 октября 1919 г. РВС Юго-Восточного фронта издал приказ № 132 о формировании 2-го и 3-го Калмыцких полков. Однако вскоре

надобность в них отпала, и после ухода на фронт 2-го Калмыцкого полка А.Б. Стаценко Калмыцкую кавбригаду расформировали.

Примечания

1. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 7739. Оп. 1. Д. 13. Л. 8–11.
2. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1983. С. 240.
3. РГВА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 13. Л. 11.
4. Тинченко Я. 1-я (Московская) кавалерийская дивизия РККА // Старый Цейхгауз. 2012. № 2. С. 100–103.
5. Бои и будни: (краткий исторический очерк 8-й отд. Туркестанской кавалерийской бригады) / [сост. Л. А. Книжников]. Мерв, 1928. С. 7; Кавалерийские корпуса РККА. URL: <http://www.rkka.ru/cavalry/> (дата обращения: 20.06.2017).
6. РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 5. Л. 6–6об.
7. Сухоруков В.Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.). М., 1961. С. 168–169.
8. РГВА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
9. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 238. Л. 7об. – 8об.
10. Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (КИГИ РАН). Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 94.
11. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 15. Л. 108.
12. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 90, 96.
13. Хомутников В.А. Военные калмыцкие части в боях за Советы. Элиста, 1964. С. 15.
14. НАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.
15. НАРК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.
16. Маслов А.Г. Страницы былого. Элиста, 1962. С. 99–101.
17. НАРК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.
18. РГВА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 12. Л. 52об.
19. Там же. Д. 7. Л. 1–18.
20. Бимбаев М.Т. Судьба моя военная. Элиста, 1983. С. 15.
21. РГВА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 12. Л. 47об. – 48.
22. Там же. Д. 7. Л. 13.
23. Там же. Д. 12. Л. 53–53об.
24. Там же. Д. 1. Л. 1об.
25. Бимбаев М.Т. Указ. соч. С. 21.
26. Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 447.